

Д. Колеватов, В. Корзун

А. С. Лаппо-Данилевский и каноны профессионализма советского историка (по материалам учебников по историографии)*

Курсы историографии — важнейший инструмент профессионализации историка, включения его в поле профессиональной деятельности, наделения корпоративной памятью — значимым фактором профессиональной и личностной самоидентификации. В этом процессе выделяются фигуры как несомненных классиков, классиков наполовину или «почти наших», так и «принципиально неузнаваемых», великих маргиналов. Исключительную роль в таком ранжировании, в фиксации и трансляции образа историка, его научной значимости играют учебники. В предлагаемой статье мы намерены показать, как на страницах советских учебников по историографии и источниковедению происходило «узнавание» А. С. Лаппо-Данилевского, как в процессе профессионализации науки задавались оценочные критерии творчества историка. В общем плане этот сюжет нашел отражение в капитальной монографии Е. А. Ростовцева¹. Представляя судьбу научного наследия историка, автор совершенно справедливо включил в историографический нарратив и учебную литературу, которая в значительной степени отражает уровень изученности проблемы. Но не только и не всегда. Мы избираем несколько иной ракурс — попробуем показать на примере оценки творчества А. С. Лаппо-Данилевского, как происходило становление канонов профессионализма в советской историографии или, грубо говоря, чего стоило попасть в «классики».

Для полноты картины низвержения/закрепления образа А. С. Лаппо-Данилевского в учебниках по историографии советского периода мы выходим за строгие рамки избранной темы, обращаясь к аналогичным процессам в учебниках по источниковедению в советский период и к лекционным курсам эмигрантских историографов. Хотя и отдаем себе отчет, что указанные сюжеты сколь-нибудь полно можно раскрыть только в рамках самостоятельных исследований.

Вслед за Рольфом Тоштендалем мы понимаем профессионализм как конвенционально принимаемые (в явной или в неявной форме) научным сообществом нормы «писания истории»². При этом важно учитывать динамику этого процесса: «...профессионализм, — подчеркивает Р. Тоштендаль, — меняющийся продукт академического сообщества в рамках дисциплины истории»³. Нормативная база исторического исследования постоянно воспроизводится и закрепляется в процессе подготовки научных кадров и фиксируется в лекционных курсах и на страницах учебников. Особая роль здесь принадлежит тем учебникам, предметным содержанием которых является сама наука. В этом плане учебники и учебные пособия по историографии и источниковедению представляют собой важные историографические источники. Подчеркнем двуединую природу этого комплекса источников, взаимосвязанность процессов создания историографического знания и его трансляции и регуляции («равнение на образцы»). «Познание историографического прошлого на страницах учебника принципиально многослойно — они весьма информативны не только в плане воскрешения или забвения на их страницах знаковых фигур (пантеона классиков) и событий истории науки, но и той историографической ситуации, когда это воскрешение/забвение происходит»⁴.

Роль А. С. Лаппо-Данилевского в процессе профессионального становления исторической науки, особенно в ее нормативно-методологическом плане, значительна и парадоксальна. Это и уникальный феномен научной саморефлексии, отражающий движение науки по пути внутренней легитимации, и создание конкретных методик работы с историческими источниками — образец высокого профессионализма, задающий горизонты развития исторической науки. И в то же время это фигура-маркер, восприятие которой (как и практическое отсутствие такового) позволяет представить степень присутствия методологической составляющей в историографическом пространстве эпохи, соотношение инструменталистского и рефлексивного профессионального знания на различных этапах развития науки. Его «Методология истории», равно как методологические интенции вообще, в высокой степени соответствовали европейскому тренду второго этапа профессионализации истории, который, как указывает Р. Тоштендаль⁵, проходил под знаком метода и методологии. По Е. А. Ростовцеву, «в создании системы исторического знания Лаппо-Данилевский опирался на опыт российской и мировой исторической науки»,

его научно-теоретические изыскания, далеко выходявшие за рамки национальной науки, были в то же время «обусловлены тем исследовательским опытом, который был накоплен несколькими поколениями ученых петербургской исторической школы»⁶.

В исследовательской литературе отмечается принципиальная сложность вписываемости новаций ученого в существующие схоларные рамки, — как отмечал А. Е. Пресняков, он скорее не «вошел» в историческую школу Платонова, а «поставил рядом с ней свою, особую, казавшуюся многим не исторической, а теоретической, выпадавшей из строя факультетского преподавания русской истории»⁷. Коммуникативное взаимодействие А. С. Лаппо-Данилевского с коллегами по цеху ученых было задачей весьма непростой. Для многих из них методологические поиски А. С. Лаппо-Данилевского выглядели как историографическая туманность — «уважаемые» (мастерское соединение общефилософского и специально-исторического), но не до конца воспринимаемые, «одинокие». А его глубинно-личностные замыслы/интенции — превращения истории в строгую науку, восстановления единства миропонимания на почве последовательной рациональности воспринимались как принципиально недостижимые (хотя и вызывающие несомненное сочувствие к личности и замыслам автора). Еще сложнее было с трансляцией нового в студенческую аудиторию через такой канал, как научные пособия и учебники. Н. И. Кареев имел серьезные основания считать «Методологию истории», издававшуюся как учебное пособие для студентов историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета, «скорее ученым трактатом, нежели курсом лекций»⁸.

В советский период расхождение А. С. Лаппо-Данилевского с историографическим мейнстримом принимает характер идеологической несовместимости. Для формирующейся советской научной традиции характерно было представление о неуклонном снижении научно-теоретического потенциала немарксистской гуманитаристики, методологической исчерпанности ее после появления марксизма. Оценка М. Н. Покровским вышедшего в 1923 г. под редакцией А. И. Андреева второго издания первого тома «Методологии истории» — полезный справочник, не представляющий теоретического интереса — лежит в русле этой традиции⁹. В то же время историографическое пространство 1920-х гг. — «античности нашей истории», по известному определению Бориса Слуцкого, было еще принципиально неоднородным. Методологический конфликт между А. С. Лаппо-Данилевским и официальным марксизмом не затрагивает пока его конкретно-исследовательский, источниковедческий инструментальный, открыто используемый его учениками, ученый продолжает оставаться знаковой фигурой в корпоративной памяти и лекционных курсах по отечественной историографии. И в то же время в официальной советской историографии (а именно она определяла содержание учебников) А. С. Лаппо-Данилевский неизбежно должен был рассматриваться в общем контексте кри-

зиса буржуазной исторической науки. Именно кризисным проявлениям рубежа XIX–XX вв. уделяется в советской историографии наибольшее внимание, и в результате ни в одном из учебников А. С. Лаппо-Данилевский не удостоивается отдельной главы или специальной лекции. Из учебника в учебник перекочевывает «снижающий» набор характеристик творчества ученого, наиболее повторяющимися из которых являются философский идеализм и отрицание исторической закономерности, приверженность к «безжизненным схемам государственной юридической школы».

В то же время оценка творчества А. С. Лаппо-Данилевского на этапе становления советского историзма, «переоткрытия исторического» на отечественной научной почве создавала определенные возможности для проявления творческой субъективности исследователя. Свидетельство тому «Русская историография» Н. Л. Рубинштейна, рекомендованная в качестве учебного пособия¹⁰. Теоретико-методологическим взглядам А. С. Лаппо-Данилевского автор уделяет немного места — примерно столько, сколько необходимо для фиксации еще одного проявления кризиса буржуазной историографии, хотя сам факт обращения А. С. Лаппо-Данилевского к философско-историческим и методологическим вопросам рассматривается в положительном контексте, как свидетельство широты и разносторонности его интересов¹¹. Смысловой акцент делается не на содержательном анализе, выявлении оригинальности теоретико-методологической концепции, а на ее вписываемости в общий кризисный контекст и в историографические построения самого Рубинштейна. Риккертское понятие «абсолютных ценностей» приобретает, по Рубинштейну, определенный этико-религиозный характер и тем самым служит переходом к философско-религиозной концепции истории в духе шеллингианства, раскрывающейся в истории всего человечества, как «исторического целого», как «великой индивидуальности»¹². Рубинштейн следует советскому историографическому мейнстриму, уже наработанным подходам-схемам — немарксистские методологические поиски А. С. Лаппо-Данилевского рассматриваются им не как попытка прорыва в будущее, а как «вечное возвращение» в прошлое, по аналогии с тем, что было. Но, в соответствии со своей целевой установкой, историк делает акцент не на классово-идеологической инкриминации, а на выявлении вклада ученого в действительное развитие науки. Автор пытается принципы дореволюционного профессионализма, «объективизма» творчески вписать в марксистскую дискурсивность. Определенную роль сыграло и изменение содержательных рамок этой дискурсивности — во второй половине 1930-х гг. происходит «частичная реабилитация государственной школы и дореволюционной исторической науки»¹³. В итоге «в сухом остатке» признание А. С. Лаппо-Данилевского «одним из видных представителей русской исторической науки», который выделяется среди историков-современников «исключительной широтой и разносторонностью своей эрудиции, тематическим охватом своих работ». «В развитии русского источниковедения [он] занял видное место, а тематика его отдельных

конкретных исследований отражает общий рост научного интереса к вопросам социальной и экономической истории»¹⁴. У Рубинштейна наличествует противопоставление конкретно-исторических, источниковедческих трудов историка — (имеющих определенную научную ценность) и теоретико-методологических (кризисно-ошибочных). Это своеобразный способ сохранения наследия ученого в советском историографическом поле, который мастерски применял, как отмечает Ростовцев, ученик А. С. Лаппо-Данилевского С. Н. Валк¹⁵. И все же, на наш взгляд, восприятие Рубинштейном творчества Лаппо-Данилевского отличается внутренним единством — не «идеолог реакции», а историк, ученый коллега, умевший «ставить синтетические задачи», отражать в своем творчестве с особенной остротой внутреннее противоречие немарксистской научной мысли — между конкретными научными построениями и традиционной, «идеалистической» концептуальностью.

Книга Рубинштейна была явлением уникальным, методологическим всплеском советской историографии периода ее становления, «Апокалипсиса и Афин», по определению С. Я. Лурье¹⁶. Затем наступает «Апокалипсис без Афин». С конца 1950-х (в десятилетие, следующее за разгромной критикой «Русской историографии», учебники по отечественной историографии не издавались) до конца 1980-х гг. в рассмотрении творчества историка на страницах учебников наблюдается явный откат, хотя в рамках этого протяженного периода «историографического забвения» мы можем выделить два неравнозначных этапа. Первый (1950–1960-х гг.) обозначим как почти умолчание без признания (учебники В. И. Астахова¹⁷, В. Е. Иллерицкого и И. А. Кудрявцева¹⁸, А. Л. Шапиро¹⁹). Умолчание, разумеется, не могло быть абсолютным, оно касалось в основном таких материй, как научная значимость и творческая оригинальность ученого. В то же время на историографическом поле функционируют заменяющие анализ стереотипизированные определения/обвинения, ставящие, по сути дела, под сомнение принадлежность А. С. Лаппо-Данилевского к науке. Это и «поход против исторической науки, ее способности отражать объективные закономерности в развитии общества»²⁰, риккертская антинаучность и формализм, следование принципам «неокантианского позитивизма», отрицание реального исторического процесса и реальной исторической действительности, «которая искусственно подгонялась под безжизненные схемы юридических определений» и даже полная теоретическая беспомощность²¹. Да и непризнание не могло быть абсолютным — по ходу дела приходилось, хотя бы и с оговорками, называть его видным историком. В дальнейшем намечается дрейф в направлении «признания по умолчанию».

На втором этапе (1970 — начало 1990-х гг.) в корпоративном сознании складывался образ историка как «загадочного маргинала», принципиально не вписывающегося в структурную ранжировку учебных пособий. Так, в курсе лекций А. М. Сахарова содержится единственное краткое упоминание имени А. С. Лаппо-Данилевского как одного из авторов «многочисленных работ по ме-

тодологии истории в начале XX в. (А. С. Лаппо-Данилевский, Вен. М. Хвостов, Н. И. Кареев и др.)», в чьем творчестве отразились «напряженные поиски выхода из обозначившегося теоретического “тупика”, стремление что-либо противопоставить марксизму с его учением о формациях»²².

Первый вариант — реакция на послевоенные проработочные политико-идеологические кампании, в то же время это был показатель завершенности структурно-содержательного формирования советского историзма, присущих ему клише и стереотипов. Умалчивающее признание на втором этапе связано с изменением историографической ситуации — нарастающим интересом к теоретико-методологическим проблемам, к ремеслу историка, и А. С. Лаппо-Данилевский приобретает постепенно своеобразное «право гражданства» в советской исследовательской литературе, но в учебной литературе это не фиксируется. В последней, на наш взгляд, возникает парадоксальная ситуация — «понимаем, но сказать не можем», ибо вербальная актуализация нового прочтения требовала от авторов учебников умения работать на грани (или даже за гранью) сложившегося весьма консервативного советского историографического дискурса. Учебники по историографии отечественной истории, таким образом, можно считать одним из симптомов кризиса советского профессионализма. Понятно, что в конструкте сложившегося профессионализма канон «критики и борьбы с буржуазной наукой» становился все менее функциональным, препятствующим формированию единого коммуникативного поля науки. Все более актуальным в профессии историка становится понимание другого.

Применительно к нашему сюжету потенциал коммуникативного взаимодействия с «буржуазной наукой» все же постепенно расширяется и в учебниках по историографии, о чем свидетельствует выход в 1993 г. учебного пособия А. Л. Шапиро, в котором несколько изменяется ракурс рассмотрения А. С. Лаппо-Данилевского²³. Классовая инкриминация остается в прошлом, испытание на предмет соответствия марксизму сменяется аккуратной-вежливой формулировкой — «идеалист», не подлежащий отторжению, который «нередко сам выходил за идеалистические рамки» и во всяком случае внес значительный вклад в науку²⁴. Как видим, признание и прояснение научного наследия историка из исследовательской литературы все-таки приходит на страницы учебников, в новую среду бытования, но достаточно поздно. Целостное представление о творческом облике А. С. Лаппо-Данилевского, его роли в развитии отечественной науки и культуры в учебнике отсутствует. В настоящее же время рассмотрение творчества А. С. Лаппо-Данилевского упоминается в учебнике А. Л. Шапиро, в соответствии со структурой учебника, в режиме доброжелательной фрагментарности. Творчество историка рассматривается автором в контексте трансформации государственной теории на рубеже XIX–XX вв., в рамках исследовательского поля этой теории Лаппо-Данилевский включается в ряд историков, которые «главную творческую роль в истории России отводят все же не самому государству, а воспринятым государством идеям»²⁵.

Для XVII в., по Лаппо-Данилевскому, это была идея государства, в XVIII же в. наблюдается постепенное развитие идеи личности, соответственно, по Шапиро, А. С. Лаппо-Данилевский «исходил из представления о саморазвитии или заимствовании идей, которое не определялось ходом вещей»²⁶. С таких же позиций — ограниченные методологические рамки, но выдающиеся научные достижения — А. Л. Шапиро оценивает и вклад А. С. Лаппо-Данилевского в развитие источниковедения. По его мнению, «учение Лаппо-Данилевского об исторической критике в настоящее время может быть с успехом применено в источниковедении»²⁷. Творчество А. С. Лаппо-Данилевского, принципиально не проясненное, раскрывается через контекст. Особенно это касается проблем методологии — при описании состояния методологического поля в начале XX в., наибольшее внимание уделяется общей характеристике риккерттианства, Шапиро рассматривает Лаппо-Данилевского как своеобразного представителя этого течения, допускавшего использование в определенных пределах номотетического метода²⁸. Процесс синхронизации исследовательской и учебной литературы становится более заметным уже в пространстве постсоветского времени, но эти сюжеты — предмет особого исследования.

Иной вектор формирования корпоративной памяти мы наблюдаем в эмигрантском научном сообществе историков. Здесь сохраняются положительные коннотации в оценке А. С. Лаппо-Данилевского — выдающийся ученый, проявивший себя в различных областях исторической науки. В читаемых курсах по русской историографии, в учебных пособиях, изданных за пределами Советской России, подчеркивается значимость фигуры А. С. Лаппо-Данилевского, его место не только как представителя петербургской школы, но и как организатора науки. В отличие от исследований его теоретических позиций с выраженным критическим началом (что было характерно, к примеру, для Карсавина), в учебной литературе на протяжении изучаемого периода его взгляды, да и сам образ историка во многом статичен — классик, интеллектуальный герой, не подвергаемый критике. Так, в конспектах А. В. Флоровского, читавшего курс русской историографии в Карловом университете в Праге, Лаппо-Данилевский предстает как «человек широкого образования, в частности много работавший в области философии и методологии истории»²⁹, историк отмечает его исследования по социальной и экономической истории России, по проблемам рецепции государственно-правовой теории в России, по проблемам историографии. А «в последние годы своей деятельности, — пишет Флоровский, — Лаппо-Данилевский сосредоточенно работал в области дипломатики частных актов и совместно с членами руководимого им семинара подверг пристальному изучению разные типы частно-правовых актов старой Руси»³⁰, он также дает высокую оценку деятельности А. С. Лаппо-Данилевского в рамках Академии наук. «В организации русской исторической науки произошли важные и существенные изменения в связи с тем, что в состав Академии наук вступили такие активные деятели, как А. А. Шахматов и А. С. Лаппо-Данилевский, с их имена-

ми связана важная стадия в истории русской науки»³¹.

В лекционном курсе И. И. Гапановича (с 1931 г. И. И. Гапанович преподавал историю в университете Цинь Хуа, читал курсы по истории России, истории Греции и Рима, специальные исторические дисциплины)³², изданном в Пекине в 1935 г. под названием «Русская историография за пределами России: введение в российскую историю», А. С. Лаппо-Данилевский упоминается в рамках краткой характеристики петербургской исторической школы. Наряду с С. Ф. Платоновым с петербургской школой, отмечает И. И. Гапанович, был «связан его коллега академик А. С. Лаппо-Данилевский... изучавший вопросы права и финансов, более всего в Московский период, занимавшийся также исследованием источников и русской историографии. Семинары, возглавляемые Платоновым и Лаппо-Данилевским, подобно тому, как это было у Ключевского, подготовили много русских историков молодого поколения»³³.

И. И. Гапанович считал себя учеником историка, будучи студентом Санкт-Петербургского университета, он слушал лекции Александра Сергеевича и «увлекся проблемами теории и методологии истории и историографии и пронес этот интерес через всю жизнь»³⁴. Отражением такого интереса можно считать упомянутый нами курс, позже переизданный в Париже уже на французском языке³⁵, и монографию, изданную в 1940 г. в Шанхае «Методы исторического синтеза»³⁶, где дана краткая, но позитивная оценка методологическим поискам А. С. Лаппо-Данилевского. Его образ со временем канонизируется учениками. На склоне лет И. И. Гапанович, посвятивший ему эссе, воссоздает портрет идеального преподавателя, отмечает необычность семинара по теории и методологии, его разнообразный поколенческий и дисциплинарный состав, что отражало специфику интеллектуальных поисков Лаппо-Данилевского, направленность на коллективное творчество, особую теоретическую нагруженность, любезность и доброжелательность учителя по отношению к его участникам³⁷.

Различные оценочные шкалы (в советском и эмигрантском нарративе) применительно к историку объясняются различиями в мотивации обращения к проблемам историографии, способах конструирования историографического нарратива, методологических ориентиров, в социальном запросе. Для представителей эмигрантского научного сообщества на первый план выходила проблема преемственности, вписывания себя в коммуникативное поле прежней научности, для советских историков — отторжение «старого» и конструирование нового содержательного и коммуникативного пространства профессии. Но было и общее — воздержание от анализа «Методологии истории», принципиально-новаторское методологическое наследие Лаппо-Данилевского воспринималось с трудом, хотя обходилось с разной степени профессиональной аккуратностью — разносные инвективы в советской историографии и скромное упоминание «среди прочих заслуг» в эмигрантской. Конечно, нужно сделать поправку и на аудиторию, для которой предназначались лекции и учебные пособия по русской историографии в эмиграции. За редким исключением они

предназначались иностранным слушателям, мало знакомым с русской историей и историками. Соответственно главной задачей становилось не анализировать, а популяризировать, знакомить с российской историографией, избирая лаконичный биобиблиографический ракурс.

Обратимся далее к учебникам и учебным пособиям по источниковедению, чтобы обозначить различие маршрутов постижения Лаппо-Данилевского в советской образовательной традиции.

В исследовательской литературе отмечается, и с этим трудно не согласиться, что источниковедение в СССР в конце 1960-х — 1980-х гг. по инновационности теоретико-методологических идей опережало развитие исторической науки в целом. По мнению А. В. Лубского, знаковым событием в развитии советского источниковедения стал выход сборника статей «Источниковедение: теоретические и методические проблемы»³⁸ «положившего начало формированию особого направления, в центре внимания которого оказались теоретико-методологические проблемы исторического источниковедения»³⁹. Такая направленность поиска создавала предпосылки к возвращению А. С. Лаппо-Данилевского в поле научного внимания, актуализируя интерес к его «Методологии истории». Имело значение и то, что в своей исследовательской практике часть исследователей уже давно использовали наработки Лаппо-Данилевского и его учеников применительно к анализу актового материала. Более того, в рамках споров о кризисе исторической науки на рубеже XIX–XX вв. утверждается тезис о неравномерном вхождении ее различных составляющих в эту полосу, с оговорками подчеркивается интенсивное развитие источниковедения. Одновременно высказывается мысль о нейтральности техники исторического исследования по отношению к методологии. Как и насколько эта ситуация преломилась в учебной литературе?

Ввиду необъятности темы обратимся к конкретному примеру — месту А. С. Лаппо-Данилевского в концептуальных поисках научной школы источниковедения, методологии истории и специальных исторических дисциплин, которая сложилась в Ростовском государственном университете. Основатель школы — А. П. Пронштейн (1970-е гг.). В рамках этой школы создается серия учебных пособий и монографий⁴⁰, которые позволяют проследить особенности репрезентации образа А. С. Лаппо-Данилевского как источниковеда. Отметим специфику авторского ракурса А. П. Пронштейна в подходе к «буржуазным историкам», связанного с образовательным процессом — научение навыкам профессии, обучение ремеслу историка. (Именно такой курс по методике исторического исследования и прослушали авторы данного текста в 1969/70 учебном году.) Признавая крупные достижения отечественного источниковедения во второй половине XIX — начале XX в., А. П. Пронштейн полагает «важным учесть их как положительный опыт для следующих поколений историков»⁴¹. Эта культурная и научная установка характерна и для более ранних работ историка. В «Методике исторического исследования» А. С. Лаппо-Данилев-

ский — наиболее часто упоминаемый и цитируемый автор. В размышлениях А. П. Пронштейна об основных подходах и этапах источниковедческого исследования А. С. Лаппо-Данилевский присутствует как знаковая фигура, отправная точка (неоднократно встречающийся фрейм «на это обращал внимание еще Лаппо-Данилевский») для собственных концептуальных построений. Исследовательские интенции автора и дореволюционного классика отличаются высокой степенью совпадения, А. С. Лаппо-Данилевский рассматривается как приемлемый, «солидный», признаваемый до определенного предела источниковедческий авторитет. Но предел этот задан уже сложившимся советским историографическим дискурсом, в рамках которого и работает сам А. П. Пронштейн. Он фиксирует моменты несовпадения с этим дискурсом А. С. Лаппо-Данилевского: тот концентрируется на «надстроечных», формально-юридических и психологических моментах источниковедческого анализа, не используя его потенциал для реконструкции «базисных», социально-экономических, классово-волевых отношений, без которых не может быть понято «юридическое содержание правовой нормы». В то же время А. П. Пронштейн корректирует сложившиеся, классово-инкриминирующие оценки творчества историка, представленные с предельной жесткостью в известной статье Л. В. Черепнина, которые затем транслируются в учебную литературу, и почти дословно воспроизводятся, к примеру, в учебнике В. И. Стрельского. Согласно этим оценкам, творчество А. С. Лаппо-Данилевского — пример того, «как в эпоху империализма классовая позиция буржуазного историка призывала к уходу в мир “абсолютных ценностей” из реальной исторической действительности, грозящей революцией»⁴², а неокантианские методологические пристрастия историка оцениваются как порочные⁴³. Преобладание на страницах учебников источниковедения инструменталистского подхода делало вопрос о методологических основаниях творчества А. С. Лаппо-Данилевского вообще избыточным. В этом контексте попытка А. П. Пронштейна скорректировать вопрос о преемственности дореволюционной и советской историографии, безусловно, научно значима.

Уже в учебном пособии 1971 г. А. С. Пронштейн признает существенный вклад А. С. Лаппо-Данилевского в постановку и решение ряда конкретных источниковедческих проблем. Лаппо-Данилевский воспринимается как классик, правда, с оговорками, как своеобразный предтеча советского («марксистского») источниковедения на определенных этапах его развития. Линии связи советского и «буржуазного» в лице А. С. Лаппо-Данилевского проводятся по таким источниковедческим проблемам, как определение исторического источника, классификация источников на остатки и предания, классификация актового материала, выработанные дипломатикой принципы разделения законодательных и актовых материалов на клаузулы. В последовательности аналитических процедур А. П. Пронштейн также следует за дореволюционным источниковедением и за внутренней критикой источника — после того, как источник прочтен

палеографически и грамматически — необходима внутренняя критика источника, основанная на герменевтике, хотя автор подчеркивает условность такого разграничения. А. П. Пронштейн, как следует из смыслового контекста учебника, именно в этой области источниковедения наиболее отчетливо фиксирует промежуточное, междумировое позиционирование А. С. Лаппо-Данилевского — по сравнению с другими представителями немарксистского источниковедения, он «в общем более верно понимал задачи герменевтики, но решал их так же, как и его предшественники, с идеалистических позиций»⁴⁴, не раскрывая классово-политический смысл источника.

Возвращаясь к роли учебников в формировании профессиональных навыков и корпоративной памяти будущего историка, отметим, что для них характерна запаздывающая реакция на исследовательские новации. Дисциплинарный уровень организации науки в конечном счете закрепляется в учебнике, который выступает в качестве ее арьергарда. Проблемно-организованная наука выходит за рамки канона и, соответственно, учебника, проблематизируя получение нового знания. Вместе с тем пример А. П. Пронштейна показывает, что учебник может играть роль зачинателя научного поворота. Переоценка источниковедческого творчества А. С. Лаппо-Данилевского, наметившаяся на страницах учебных пособий историка, получает развитие в его монографии «Источниковедение в России. Эпоха капитализма», рубежной не только по времени выхода — 1991 г., но и в содержательном плане. В этой работе творчество А. С. Лаппо-Данилевского рассматривается не столько по степени приближения к марксистской парадигме, сколько как самостоятельная и весьма значимая научная сущность и, соответственно, особое внимание уделяется методологическим принципам исследования.

Долгий путь профессионалов к А. С. Лаппо-Данилевскому охватывает практически весь период существования советской историографии. Наследие его, официально маргинализированное, отправленное на историографическую периферию, продолжало функционировать в советском историографическом пространстве благодаря памяти учеников и коллег, не отвергаемым безусловно конкретно-историческим работам и источниковедческим принципам, наконец, даже разносно-критическим кампаниям, ибо критикуемое проговаривается. И, разумеется, благодаря научной нормативности текстов, включая подстрочник. Иначе говоря, А. С. Лаппо-Данилевский внес свою лепту в формирование советского исторического профессионализма, вот только признание этих заслуг в рамках учебной литературы по историографии произошло уже в постсоветский период. В дисциплинарном пространстве советского учебника по историографии революций не предусматривалось, его назначением было поддержание официально установленной статусности ученого сообщества.

Reference

GAPANOVICH I. I. *A. S. Lappo-Danilevskij* [A. S. Lappo-Danilevsky] // *Novyj zhurnal*. 1977. Kn. 129. S. 69–70.

KLIBANOV A. I. *Posleslovie. A. S. Lappo-Danilevskij — istorik i myslitel'* // A. S. Lappo-Danilevskij. Isto-

- ¹ Ростовцев Е. А. А. С. Лаппо-Данилевский и петербургская историческая школа. Рязань, 2004.
- ² Тоштендаль Р. Профессионализм историка и историческое знание. М., 2014. С. 19.
- ³ Там же. С. 28.
- ⁴ Корзун В. П. Н. М. Карамзин в учебниках по историографии: о зигзагах формирования корпоративной памяти // Преподаватель XXI век. 2016. № 4. Ч. 2. С. 117.
- ⁵ Тоштендаль Р. Профессионализм... С. 46.
- ⁶ Ростовцев Е. А. А. С. Лаппо-Данилевский... С. 295.
- ⁷ Пресняков А. Е. Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский. Пг., 1922. С. 24–25.
- ⁸ Цит. по: Ростовцев Е. А. А. С. Лаппо-Данилевский. С. 226.
- ⁹ Покровский М. Н. О книге А. С. Лаппо-Данилевского «Методология истории». Пг., 1923. Вып. 1 // Покровский М. Н. Историческая наука и борьба классов. Вып. 2. М., 1933. С. 97.
- ¹⁰ Рубинштейн Н. Л. Русская историография. М., 1941.
- ¹¹ Там же. С. 503.
- ¹² Там же. С. 484–485.
- ¹³ Ростовцев Е. А. А. С. Лаппо-Данилевский... С. 250.
- ¹⁴ Рубинштейн Н. Л. Русская историография. С. 503.
- ¹⁵ Ростовцев Е. А. А. С. Лаппо-Данилевский... С. 248, 257.
- ¹⁶ Лурье Я. С. История одной жизни. СПб., 2004. С. 150–151.
- ¹⁷ Астахов В. И. 1) Курс лекций по русской историографии. Ч. II. Эпоха промышленного капитализма. Харьков, 1962; 2) Курс лекций по русской историографии. Харьков, 1966.
- ¹⁸ Иллерицкий В. Е. Русская историография второй половины XIX в.: Лекции для студентов Московского государственного историко-архивного института. М., 1957; Историография СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской революции / Под ред. В. Е. Иллерицкого и И. А. Кудрявцева. М., 1961; Историография СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской революции / Под ред. В. Е. Иллерицкого и И. А. Кудрявцева. Изд. 2-е. М., 1971.
- ¹⁹ Шапиро А. Л. Русская историография в период империализма. Л., 1962.
- ²⁰ Астахов В. И. Курс лекций по русской историографии. Харьков, 1966. С. 13.
- ²¹ Историография СССР... С. 383.
- ²² Сахаров А. М. Историография истории СССР. Досоветский период: Учеб. пособие. М., 1978. С. 210.
- ²³ Шапиро А. Л. Историография с древнейших времен до 1917 г.: Учеб. пособие. СПб., 1993.
- ²⁴ Там же. С. 661.
- ²⁵ Там же. С. 578.
- ²⁶ Там же. С. 581.
- ²⁷ Там же. С. 661.
- ²⁸ Там же. С. 680.
- ²⁹ Slovanska knihovna (SK). T-FIOR. Krab. XXXVII – 1. Konspekty přednášek na FF Karlovy university. Istoriografija.
- ³⁰ Ibid.
- ³¹ Ibid.
- ³² Ковалев М. В. От Петербурга до Канберры: жизнь и научные труды профессора И. И. Гапановича // Acta Slavica Iaponica. Т. 34. Р. 69–93.
- ³³ Гапанович И. И. А. С. Лаппо-Данилевский // Новый журнал (Нью-Йорк). 1977. Кн. 129. С. 69–70.
- ³⁴ Ковалев М. В. От Петербурга до Канберры. Р. 71.
- ³⁵ Гапанович И. Historiographie russe hors de la Russie. Paris, 1946.
- ³⁶ Гапанович И. Methods of Historical Synthesis. Shanghai, 1940.
- ³⁷ Цит. по: Ковалев М. В. От Петербурга до Канберры. Р. 71.
- ³⁸ Источниковедение: теоретические и методические проблемы / Отв. ред. С. О. Шмидт. М., 1969.
- ³⁹ Лубский А. В. К истории источниковедения в России в советской историографии // Мир

- историка: историографический сборник / Отв. ред. В. П. Корзун. Вып. 12. Омск, 2018. С. 134.
- ⁴⁰ *Пронштейн А. П.* 1) Методика исторического исследования. Ростов н/Дону, 1971; 2) Методика исторического источниковедения. Изд. 2-е, доп. и исп. Ростов н/Дону, 1976; 3) *в соавт. с Данилевским И. Н.* Вопросы теории и методики исторического исследования. М., 1986; 4) Источниковедение в России. Эпоха феодализма / Отв. ред. И. Д. Ковальченко. Ростов н/Дону, 1989; 5) Источниковедение в России. Эпоха капитализма. Ростов н/Д: Изд-во Ростовского университета, 1991.
- ⁴¹ *Пронштейн А. П.* Источниковедение в России. Эпоха капитализма. С. 6.
- ⁴² *Стрельский В. И.* Источниковедение истории СССР. Период империализма. Конец XIX в. — 1917 г. М., 1962. С. 14.
- ⁴³ Там же. С. 33.
- ⁴⁴ *Пронштейн А. П.* Методика... С. 147–148.

riya russkoj obshchestvennoj mysli i kul'tury XVII–XVIII vv. [Afterword. A. S. Lappo-Danilevsky-historian and thinker // A. S. Lappo-Danilevsky. History of Russian social thought and culture of the 17th–18th centuries.] Moscow: Nauka 1990. S. 249–280.

KOVALEV M. V. *Ot Peterburga do Kanberry: zhizn' i nauchnye trudy professora I. I. Gapanovicha.* [From St Petersburg to Canberra: the life and scientific works of Professor I. I. Gapanovich.] // Acta Slavica Iaponica. T. 34. S. 69–93.

KORZUN V. P. N. M. *Karamzin v uchebnikah po istoriografii: o zigzagah formirovaniya korporativnoj pamyati.* [N. M. Karamzin in textbooks on historiography: about zigzags of corporate memory formation.] // Prepodavatel' XXI vek. 2016. No. 4. CH. 2. S. 459–470.

LUBSKIJ A. V. *K istorii istochnikovedeniya v Rossii v sovetskoj istoriografii.* [On the history of source studies in Russia in Soviet historiography.] // Mir istorika: istoriograficheskij sbornik. Vyp. 12. Омск: Ом. gos. un-ta 2019. S. 132–168.

LUR'E YA. S. *Istoriya odnoj zhizni.* [The story of a life.] St. Petersburg: Izd-vo EUSPb, 2004.

POKROVSKIY M. N. *O knige A. S. Lappo-Danilevskogo "Metodologiya istorii". Pg. 1923. Vyp. 1* [About the book by A. S. Lappo-Danilevsky "Methodology of history". PG. 1923. Issue 1.] // Pokrovskij M. N. Istoricheskaya nauka i bor'ba klassov. Vyp. 2. Moscow, 1933. S. 97–104.

PRESNYAKOV A. E. *Aleksandr Sergeevich Lappo-Danilevskij.* [Alexander Sergeevich Lappo-Danilevsky.] Petrograd: Kolos, 1922.

ROSTOVCEV E. A. *A. S. Lappo-Danilevskij i peterburgskaya istoricheskaya shkola.* [A. S. Lappo-Danilevsky and the St. Petersburg historical school.] Ryazan': NRII, 2004.

RUBINSHTJEN N. L. *Russkaya istoriografiya.* [Russian historiography.] Moscow: OGIZ, 1941.

TOSHTENDAL' R. *Professionalizm istorika i istoricheskoe znanie.* [Professional historian and historical knowledge.] Moscow: New chronograph, 2014.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Д. Колеватов, В. Корзун. А. С. Лаппо-Данилевский и каноны профессионализма советского историка (по материалам учебников по историографии) // Петербургский исторический журнал. 2021. № 4. С. 239–253

Аннотация: Для академической культуры характерны специфические способы формирования корпоративной памяти, которая является одним из важных составляющих профессионализма историка. В фокусе внимания авторов — репрезентация исторических взглядов А. С. Лаппо-Данилевского на страницах советских учебников по историографии. Учебники по историографии рассматриваются как уникальные историографические источники. Уникальность заключается в их двуединой природе — взаимосвязанности процессов создания историографического знания и его трансляции и регуляции («равняйтесь на образцы»). В статье процесс профессионального узнавания Лаппо-Данилевского в советских учебниках по отечественной историографии дается в динамике и в сравнении с аналогичными процессами в учебниках по источниковедению и эмигрантской литературой. Сделан вывод о не прямой корреляции «живой памяти» о Лаппо-Данилевском в научном сообществе, исследовательской литературы о его творчестве и учебников по историографии. Выделено несколько периодов отторжения/признания научного наследия Лаппо-Данилевского в пространстве учебников: 1) наследие Лаппо-Данилевского в условиях формирующегося советского историзма 1920–1940 гг.; рубежным и знаковым явлением этого периода стала книга Н. Л. Рубинштейна «Русская историография», 2) от отторжения к полупризнанию (1950-е — начало 1990-х гг.). Внутри этого периода выделено два этапа: 1950-е — начало 1970-х гг., которые характеризуются как «умолчание без признания» (В. И. Астахов, В. Е. Иллерицкий, И. П. Кудрявцев, А. Л. Шапиро) и конец 1970-х — начало 1990-х гг. — признание по умолчанию (А. М. Сахаров, А. Л. Шапиро). Первый этап — реакция на послевоенные проработанные политико-идеологические кампании, в то же время это был показатель завершенности структурно-содержательного формирования советского историзма, присущих ему клише и стереотипов. Умалчивающее признание второго этапа связано с изменением историографической ситуации — нарастающим интересом к теоретико-методологическим проблемам, к ремеслу историка, и Лаппо-Данилевский приобретает постепенно своеобразное право гражданства в советской исследовательской литературе, но в учебниках по историографии этого не происходит.

Ключевые слова: учебники по историографии, Лаппо-Данилевский, профессионализм историка, историография, источниковедение, советский историзм, методология истории, корпоративная память, эмигрантское историческое сообщество.

FOR CITATION

D. Kolevatov, V. Korzun. A. S. Lappo-Danilevsky and canons of professionalism of the soviet historian (on the materials of textbooks on historiography) // Petersburg historical journal, no. 4, 2021, pp. 239–253

Abstract: Academic culture is one of the important components of the historian's professionalism, and it is characterized by special ways of forming corporate memory. The author of the article studies the representation of the historical views of A.S. Lappo-Danilevsky on the pages of Soviet textbooks on historiography. Historiography textbooks are considered as unique historiographic sources, whose uniqueness lies in their dual nature — the interconnectedness of the processes of creating historiographic knowledge and its translation and regulation (“follow the patterns”). In the article, the process of professional “recognition” of Lappo-Danilevsky in Soviet historiography textbooks is given in dynamics in comparison with similar processes in source study books and émigré literature. The author concludes that there is an indirect correlation of “living memory” about Lappo-Danilevsky in the scientific community, research literature on his work and historiography textbooks. The article identifies two periods of rejection/recognition of the scientific heritage of Lappo-Danilevsky in the space of textbooks: 1) the scholar heritage of Lappo-Danilevsky in the context of the emerging Soviet historicism — 1920–1940s; the landmark and significant phenomenon of this period was the book of N. L. Rubinstein's “Russian historiography”; 2) from rejection to semi-recognition (1950s —

early 1990s). Inside this period, two stages are distinguished: 1950s – early 1970s which are characterized as “silence without recognition” (V. I. Astakhov, V. E. Illeritsky, I. A. Kudryavtsev, A. L. Shapiro) and the end of the 1970s. 1990s – default recognition (A. M. Sakharov, A. L. Shapiro). The first stage is a reaction to post-war political and ideological companies, at the same time it was an indicator of the completeness of the structurally meaningful formation of Soviet historicism, its clichés and stereotypes. The silent recognition of the second stage is associated with a change in the historiographic situation: the growing interest in theoretical and methodological problems, in the craft of the historian, in subjectivity, and Lappo-Danilevsky is gradually acquiring a kind of “citizenship right” in Soviet historical literature, but this does not happen in historiography textbooks.

Key words: textbooks on historiography, Lappo-Danilevsky, professionalism of a historian, historiography, source study, Soviet historicism, methodology of history, corporate memory, emigrant historical community.

Автор: **Колеватов Дмитрий Михайлович** – научный сотрудник Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского.

Author: **Kolevatov Dmitiy** – Researcher, Omsk State University by F. M. Dostoevsky.

E-mail: soiiomgu@mail.ru

Автор: **Корзун Валентина Павловна** – д-р ист. наук, профессор кафедры современной отечественной истории и историографии Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского.

Author: **Korzun Valentina** – Professor of Department of modern national history and historiography, Omsk State University by F. M. Dostoevsky.

E-mail: korzunv@mail.ru.